

УДК 784.071.2Тальков И.
ББК 85.364.1(2)6-8
Т16

Талькова, Ольга Юльевна.
Т16 Игорь Тальков. Убийца не найден / Ольга Талькова, Владимир Тальков. — Москва : Алгоритм, 2017. — 288 с. — (Дело не закрыто).

ISBN 978-5-906880-29-1

Двадцать пять лет назад трагически оборвалась жизнь талантливого музыканта и поэта Игоря Талькова... Убийца так и не найден и не понес наказания. Будет ли возобновлено «приостановленное» дело? Кто звонил Талькову в день убийства с угрозами? Почему Малахов, из оружия которого был убит музыкант, прибыл с повинной лишь через 10 дней? Получал от кого-то инструкции? Зачем он разобрал и выбросил в Мойку револьвер, если не стрелял из него? Что мешает привлечь к ответу предполагаемого убийцу — Валерия Шляфмана, сбегавшего в Израиль? И кто вообще стоял за организаторами скандала, развернувшегося в петербургском Дворце спорта?

Чтобы понять, кому мешал Игорь Тальков, ставший голосом «обманутого поколения», нужно лишь вдумчиво ознакомиться с его дневниковыми записями и воспоминаниями близких ему людей...

**УДК 784.071.2Тальков И.
ББК 85.364.1(2)6-8**

ISBN 978-5-906880-29-1

© Талькова О. Ю., 2016
© Тальков В. В., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ДЕЛО НЕ ЗАКРЫТО

Талькова Ольга Юльевна
Тальков Владимир Владимирович

ИГОРЬ ТАЛЬКОВ
УБИЙЦА НЕ НАЙДЕН

Редактор *Н. В. Мезина*
Художественный редактор *Б. Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.10.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-29-1

СТРЕЛЯЯ В ТАЛЬКОВА, ПОПАЛИ В РОССИЮ

Поэт в России всегда пророк. И неважно, какой режим в стране: монархический, коммунистический или, как сейчас, демократический. Но преследует одна жестокая закономерность. Прощаясь с Николаем Рубцовым, последним романтиком великой отечественной поэзии, Виктор Астафьев сказал: «Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная, горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле». Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов, Тальков... Поэты национального духа разных столетий и эпох.

Словно молнией поразило в 1991-м, через два месяца, как распался Союз, известие из Петербурга: выстрелом в сердце убит поэт, певец, композитор Игорь Тальков. Хотя предчувствия, что с ним может случиться беда, не покидали. Когда в эфире впервые прозвучала его «Россия» («Листая старую тетрадь расстрелянного генерала...»), поначалу подумалось: может, эта песня всего лишь случайность в репертуаре артиста, который так запомнился лирическими «Чистыми прудами». Но следом появились «Бывший подъесаул», «Родина моя», «Я вернусь» — гражданские, философские, воинствующие песни, и стало

ясно, что на эстраду пришел национально мыслящий певец, способный пробуждать самосознание масс. Явление в среде рок-музыкантов невиданное. Это-то и предопределило неминуемую расправу над ним. Сам певец не скрывал своего назначения: «Мне бы только себя излить в песне, душу свою, боль за русский народ...»; «Россия — боль моей души. Социальные песни — крик моей души. Бой за добро — суть моей жизни. Победа над злом — цель моей жизни».

Хорошо известно, как трудно пробиться у нас таланту, тем более истинно народному; сколько преград, препонов на пути к его признанию:

Сцена,
А дорогу к тебе преграждала нечистая сила,
И того, кто ей душу запродавал, — превозносила.
Раздавая чины и награды
Тем бездарным, пронырливым гадам,
Настоящих и неподкупных сводила в могилу.

Игорю Талькову суждено было нести истину в народ со сцены, утверждая высокие понятия правды, любви и вечности. Лишь неполных три года, с 1989-го по 1991-й, продираясь «сквозь дремучие джунгли закона», поверял он ей все, чем болела душа. И воздействие на массы было ошеломляющим. Сохранились видеозаписи концертов Игоря Талькова. С каким вниманием, сопереживанием, с какими одухотворенными лицами слушали выступления артиста. Как был он красив, гармоничен, благороден на сцене. «Ко мне тянутся люди разные, — говорил певец, — и юные, и зрелые, и пожилые, и добрые, и злые, и умные, и глупые, и девочки, и мальчики, и мужчины, и женщины, и дедушки, и бабушки...» Не зная покоя, Тальков исколесил с концертами всю страну. И всюду аншлаги. Его и убили на взлете, когда популярность росла день ото дня.

То, что тучи над ним сгущаются, певец понимал. «Меня убьют при большом стечении народа и убийцу не

найдут». Так и произошло. Стреляя в Талькова, попали в Россию. Но просчитались убийцы в одном. За свою короткую жизнь Игорь Тальков выполнил свою миссию, пройдя предначертанный ему земной путь. Он часто повторял: «Можно убить тело, но нельзя убить душу». Как нельзя истребить веру в грядущее величие России в его стихах.

Когда-нибудь, когда устанет зло
Насиловать тебя, едва живую,
И на твое иссохшее чело
Господь слезу уронит дождевую,
Ты выпрямишь свой перебитый стан,
Как прежде, ощутишь себя мессией
И расцветешь на зависть всем врагам,
Несчастливая Великая Россия.

С. Маршков

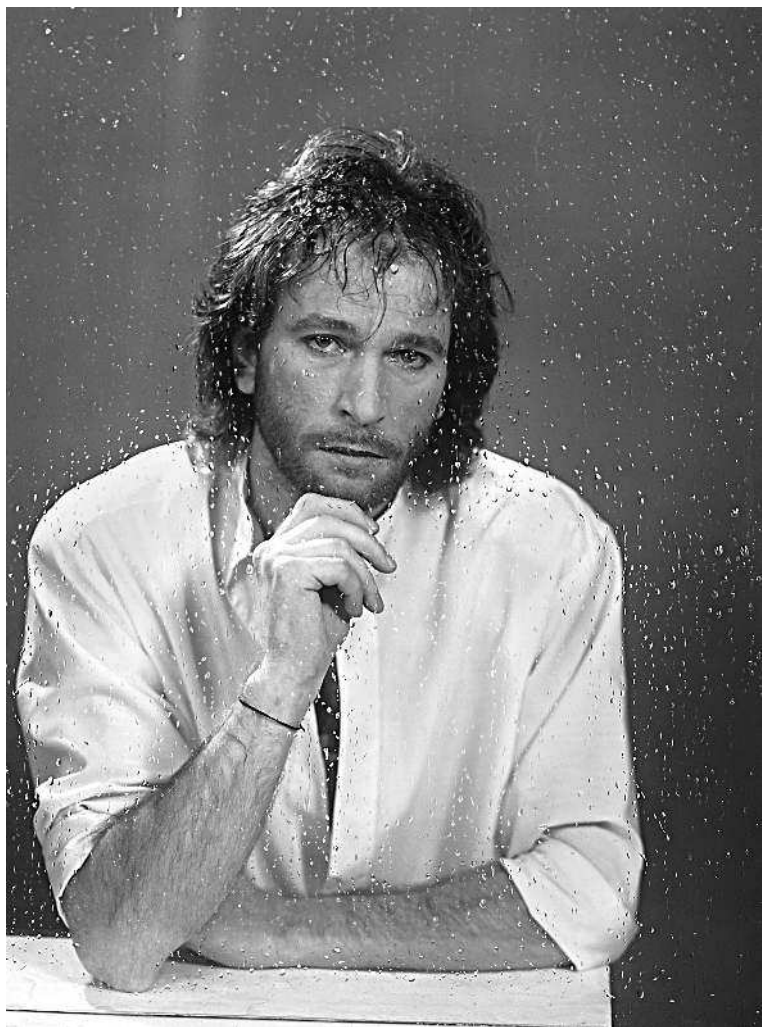
О. Ю. Талькова, В. В. Тальков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАТЕРИ И БРАТА

Испытания

Родители мои родом из Ставропольского края: мама Татьяна Ивановна Мокроусова, из крестьянской семьи, а отец, Юлий Рудольфович Швагерус, немец по происхождению, родился в семье кожевника в селе Иноземцеве недалеко от Пятигорска. Предки мои по линии отца жили в тех краях со времен Екатерины II, которая переселила немцев из Европы на Северный Кавказ. Образовалась колония Каррас, а проще — Иноземцево, название которого говорит само за себя. Немцы всегда отличались трудолюбием, были деловым народом, знающим многие ремесла. Вот и дед мой обучил детей своих кожевному делу. Папа стал разъезжать по деревням и выделывать кожи.

Родилась я в 1924 году, принесли с собой страшный голод. Городская жизнь была невыносимо тяжелой, и мама в надежде на то, что в деревне отец всегда найдет работу по специальности и обеспечит семье кусок хлеба, стала уговаривать его переехать в село Новоселицкое, где жила вся ее родня. И действительно, папа поступил писа-

*«Летний дождь, летний дождь
Моей души омоет рану».*

рем в контору, а по вечерам занимался выделкой кож — тяжелым, изнурительным трудом, как я поняла позднее. Но, ничего не поделаешь, нужно было обеспечивать семью. Естественно, со всех сторон пошли заказы, и папа стал неплохо зарабатывать. Мы купили лошадь, корову, поросенка. Обзавелись хозяйством и по тем временам зажили крепкой жизнью.

Но начались разговоры о коллективизации, и пришлось собираться назад, в город. Отец туда вернулся в 1928 году, устроился на работу, а через год забрал маму и нас (к тому времени родился мой брат Володя). Мы везли в город корову, телку, зерно и были уверены, что первое время проживем безбедно... Однако процесс раскулачивания коснулся и городских жителей, нас в том числе. И только когда мама привезла из деревни документы, подтверждающие, что ее родные своего хозяйства не имели, всю жизнь батрачили да к тому же два ее брата погибли на фронте в Гражданскую войну, нас оставили в покое (хотя с коровой пришлось расстаться).

Постепенно налаживалась наша городская жизнь в Минеральных Водах. Семья была небогатая, но очень дружная. Отец, музыкально одаренный человек, играл в самодеятельных спектаклях. Даже во время нашей деревенской жизни, когда он занимался тяжелым физическим трудом, папа тем не менее находил в себе силы для организации самодеятельности, ставил пьесы и сам в них играл. Мама была обременена хозяйством, обшивала семью и поэтому была в стороне от папиных увлечений.

В нашей семье всегда думали прежде всего о детях; родители по возможности старались ни в чем нам не отказывать. В доме никогда не было дорогих вещей (мама купила, помню, дешевый коврик, повесила на стену и была очень довольна), но, если в Пятигорск приезжал цирк или зверинец, родители на сэкономленные деньги везли нас на представление. Ездили мы и в Железноводский парк. Отец вообще очень много внимания уделял детям, с удо-

вольствием занимался с нами... О детстве у меня самые радостные, самые светлые воспоминания.

В школьные годы я много читала, любила музыку, театр. С первого класса участвовала в самодеятельности: танцевала, пела, играла на разных инструментах.

В 1939 году папе наконец дали квартиру в Пятигорске, которую мы очень долго ждали, но прожили в ней менее двух лет — началась война. Мне было тогда семнадцать лет. Помню, я не очень горевала: как и все вокруг, была уверена в нашей скорой победе. Прошло немного времени с начала войны, и мы были ошеломлены неожиданным сообщением: нас как немцев, а значит, врагов, выселяют в Сибирь. Не учитывалось даже то, что в городе папа был очень нужным человеком: работал на телеграфе сразу на четырех аппаратах, сидел по ночам, сутками не выходил с дежурства... Я никак не могла в это поверить. Помню, спросила:

— Почему с нами так поступают?

— Мы ничего не знаем. Это приказ «сверху», из Москвы. Через четыре дня будьте готовы к выезду. С собой можно взять по пятьдесят килограммов на человека.

— А остальное?

— Остальное не наше дело. Продайте, выкиньте.

Я в то время была комсомолкой, безоговорочно верила в коммунистические идеалы. Этот случай потряс меня, перевернул все мои мысли. Я прибежала домой, схватила комсомольский билет и разорвала его на мелкие кусочки. С тех пор я совершенно другими глазами стала смотреть на мир, научилась думать, анализировать, иметь свою точку зрения.

Итак, что за четыре дня можно сделать? Всего по пятьдесят килограммов на человека! Что продали, что отдали, что выбросили. Мама к тому времени уже имела горький жизненный опыт (она перенесла два голода — в 1922 и 1933 годах) и, предвидя, что впереди нас ждал еще один — военный, сказала:

— С собой необходимо взять продукты.

Купила, что смогла, сухарей засушила. Мы в то время только завели пчел, пришлось и их продать; нарезали соты, сложили в бидон... Все это нам потом очень пригодилось. Мама запаслась лекарствами, соляной кислотой на случай цинги. В Пятигорске мы были вынуждены бросить всю мебель. С собой взяли только одежду; два года в Сибири мы жили на то, что меняли ее на молоко и картошку. Денег с нас никто не хотел брать — кому они тогда были нужны! Сейчас рубли называют деревянными, а тогда я не знаю, какими они были, глиняными, наверное, что рассыпаются сразу.

Перед отъездом папа предлагал:

— Татьяна, разведись со мной формально, и ты останешься дома, в Пятигорске!

Кстати, многие так и делали. Жены разводились с мужьями, дети отказывались от отцов, которых отправляли на выселение одних. Папа и мне предложил отказаться от него. Ведь когда я получала паспорт, Гитлер уже всюду развернулся на Западе. Отец уговаривал:

— Пишись «русская».

Я допытывалась:

— Зачем?

Он не объяснял, а просто настаивал:

— Пишись «русская»!

Видимо, он интуитивно чувствовал или, вернее, оценив ситуацию, пришел к выводу, что будет гонение на немцев. Так я и записалась — «русская», по национальности мамы. Но отказаться от отца, пусть он и сам предлагал мне это, поступиться своей совестью я не могла. Не могла!

— Как же я могу от тебя отречься? Я так тебя люблю! Я вижу, как ты всю жизнь трудишься. Ты честный человек, не вор, не убийца. Как же я от тебя отрекусь?!

— Дочка, да это формально. Хоть в квартире останешься.

Он всю жизнь ждал эту квартиру в Пятигорске. Только дали, двух лет не прожили — выселили. Но мы с мамой отказались от сделки с совестью. Мама сказала тогда:

— Мучиться, страдать — вместе! Заболеешь ли ты, случится ли что с тобой, мы всегда будем рядом, и тебе будет легче с нами. Как нам без тебя? Мы будем скучать, переживать. Что нам — стеречь эту квартиру? Нет! Страдать — так вместе, и куда ни повезут — вместе!

Она рассуждала, как в свое время жены декабристов, и я была с ней согласна. Отец хоть и продолжал нас уговаривать, но до чего же ему было приятно, что мы от него не отступились! Он был так благодарен нам за это, говорил:

— С вами — хоть куда!

Так и отправились все вместе. Целых два месяца во вшивых товарных вагонах ехали в Сибирь. Привезли нас в Томскую область, в деревню Усманка — тридцать домов, население в основном старики и дети, мужчины воевали на фронте.

— Фашистов привезли! Врагов привезли!

Подошли с насмешками, и пришлось нам прямо-таки завоевывать должное к себе отношение. Папа ходил по домам, разговаривал с людьми, стараясь рассеять о нас плохое мнение. Какие же там люди забытые! Я посмотрела — Господи! Бедные люди, в таких уголках они ничего не видели, не знали. Там уже за пять лет до войны не было хлеба — давали по 60 граммов на трудодень. А уж как война началась, так и вовсе голодали и голодраными были. Правда, от старого времени оставалось несколько обеспеченных семей, но — единицы.

В деревню вселили три немецкие семьи: беременную женщину с мужем (мама принимала у нее роды, и новорожденная в честь нее была названа Татьяной; если она сейчас жива, дай ей Бог здоровья!), папиного двоюродного брата, дядю Адольфа с семьей — женой и двумя девочками, и нашу семью. Дядя Адольф был совершенно больным человеком, и поэтому его не взяли на трудфронт, а папу и дядю Яшу, мужа беременной женщины, забрали. Папа прожил с нами всего шесть месяцев.

Что же получилось? Мы-то думали быть с ним вместе, разделить трудности ссылки, а остались одни на чу-

жой стороне. Работали в колхозе, от работ не освобождали даже больную маму (у нее уже тогда было плохо с сердцем). Останься мы дома — жили бы среди друзей и родных. До Пятигорска мы десять лет прожили в Минводах, рядом была станция Иноземцево, где я родилась, где родились папа, бабушка и еще какие-то прапрабабушки... И хотя в начале войны бабушку, ее братьев и сестер выслали, но родню, кто имел русскую фамилию, оставили. В ста километрах от Пятигорска по сей день есть Новоселицкий район, а в нем — село Новоселицкое, где родилась моя мама, где жили мои родственники, где мои двоюродные сестры и племянники живут до сих пор... Оказавшись в далекой Сибири, мы чувствовали себя как бы выброшенными на необитаемый остров. Работая от зари до зари, очень тосковали по папе, который в письмах сочувствовал нам: «Что я вам говорил! Не послушались меня и теперь расхлебываете. Я один, без вас. Да и вы без меня на чужой стороне...»

Однако нам удалось очень быстро обрести друзей среди сибиряков. Для меня в семнадцать лет оказаться в глухой деревне после городской жизни было серьезным испытанием. Первое время я была очень растеряна. Потом поняла: если уж попала в глухомань, придется как-то пристраиваться к деревенским девчонкам: других-то не было. Приходилось так себя вести, чтобы они не то чтоб полюбили меня, но по крайней мере зауважали. По вечерам сельские ребята собирались в конторе, где, как правило, шла болтовня ни о чем. Мы с братом тоже приходили к ним и научили их тем играм, которые знали сами. Я собирала ребят вокруг себя и рассказывала им о том, что успела увидеть и узнать. Эти забитые и малограмотные ребята имели образование по 3–5 классов, в школу ходили за семь километров, десятилетку из них никто не окончил, потому что нужно было ехать в район за сорок километров, а это далеко не каждому было по карману. Ведь нужно было оплачивать квартиру, продукты привозить. А транспорт какой был? Лошади, только лошади, да и тех не дава-

ли в колхозе — берегли для работ. Библиотеки в деревне не было, ребята ничего не читали, мало что видели и слышали, поэтому черпали из моих рассказов много нового и интересного. Часто восклицали:

— Ой, неужели? Не брешешь?

Это очень меня приободряло, побуждало к новым рассказам. Мне было приятно, что я могу открыть им что-то новое, научить чему-то.

На выселении я прошла трудовую школу. Работали в колхозе. Заработанных трудодней на питание не хватало. Приходилось ходить пешком за 40–60 километров в дальние, более богатые деревни — обменивать наши вещи на продукты. Оказалось, сибиряки — добрый, гостеприимный народ. В какой бы дом мы ни постучали, нам нигде не отказывали в ночлеге. Наварят чугуна картошки, сами садятся и нас приглашают.

Тяжелые были времена, но я не унывала. Я сейчас пытаюсь понять, что же меня в то время поддерживало? Прежде всего, конечно, молодость, а еще — ответственность за маму и брата. Маме было очень горько, тяжело. Я старалась, как могла, облегчить ее жизнь. Однажды, помню, она плакала, тоскуя о папе, и я спросила:

— Ну что ты плачешь: папы нет рядом, но мы-то с тобой?

— Дочка, не дай бог, чтобы ты когда-нибудь рассталась вот так с мужем. Вы — это вы, дети, а папа — это папа, тебе не понять...

Я вспомнила об этом разговоре, когда умер Владимир Максимович, отец Володи и Игоря. Я тогда ужасно горевала, и друзья пытались меня успокоить:

— Тебе нужно жить для сыновей, смотри, какие они у тебя хорошие...

Вот тогда-то я и прочувствовала, что любовь к детям — это только одна сторона любви, а любовь к мужу — иная... Мы понимали, что всем в то время жилось трудно. Война есть война. Работать в колхозе было очень тяжело. Но надо — значит, надо.

Как-то приходит к нам бригадир и говорит:

— Сегодня надо быть на самом дальнем поле, Татьяна Ивановна, не можете ли вы пойти с ребятами, я всех своих уже разослал.

Заставить нас он не мог — мы не колхозники были; но бригадир был такой душевный человек, что отказать не было никакой возможности. Собирались и шли на дальнее поле. Как ни трудно было, но понемногу нам удалось приспособиться к деревенской жизни. Однако жить спокойно и там не дали. Через некоторое время пришла первая повестка с приказом явиться на призывной пункт для отправки на трудфронт (тогда отправляли на шахты или военные заводы). Мама в то время тяжело болела — было плохо с сердцем. Оторвали меня от мамы; она осталась в деревне, а я приехала на призывной пункт. Сажу в коридоре, плачу. Подошел один из организаторов, спросил:

— Что случилось? Почему так плачете?

— Меня забирают на работы, а в деревне остались младший брат и мама больная, не знаю, выживет или нет.

Непонятно почему, но в тот раз меня отпустили домой. Может быть, дело решило то, что по паспорту я русская. Возвратилась домой. Через некоторое время опять приходят повестки маме, мне и тете Элеоноре, папиной снохе. Дома оставались одни только дети: мой брат четырнадцати лет, две дочери тети Элеоноры, одиннадцати и девяти лет. Дядя Адольф умер почти сразу после приезда в Усманку. Собрали мы детей в одной избе и оставили их одних на чужой стороне. Целый день мы провели на призывном пункте — шла сортировка. Русских людей с немецкой фамилией оставляли. Тетю Элеонору забрали, а нас с мамой отпустили. Вернулись мы домой. В скором времени пришло известие, что тетя Элеонора попала на шахте в обвал и погибла. Ее дочери, круглые сиротки, стали жить с нами, не могли же мы их бросить.

В то время за мной начал ухаживать деревенский парень — Николай. Мама подрабатывала шитьем, обшивала их семью, а они расплачивались с нами продуктами:

то муки подбросят, то картошки. Николай — парень хороший, не пил, не курил, но очень уж был застенчивый. Стыдился того, что он деревенский, а я городская. Сначала Николай и не думал ко мне свататься, тем более что мы с мамой все время рассуждали о том, что, дескать, война к концу идет и, как только она кончится, мы сразу уедем домой. Но вот пришла третья повестка.

— Сушите сухари, готовьтесь. В скором времени, может быть, к осени, вас заберут.

На этот раз повестка пришла и на моего младшего брата Володю: ему исполнилось пятнадцать лет. Дома, в деревне, оставались две девочки — Ирма и Вильгельмина. К тому времени мы все вещи уже обменяли, ничего не осталось. Выменяли корову, картошку посадили. Думали, что на зиму хоть картошкой и молоком будем обеспечены. Но корову предписывалось сдать в колхоз, а картошку ссыпать в колхозный амбар.

— Вот вернетесь с работ, корову выдадим, пусть не вашу, а колхозную. Картошку, сколько сдадите, вернем, чтобы вы не на пустое место приехали.

Но мы в это не верили — помнили, как у нас на Кавказе отобрали приемники: по радио выступал Гитлер. По видимому, боялись, что мы откликнемся на его призывы. Так до сих пор нам эти приемники и «отдают»... Вот в этот момент наконец-то Николай и решился посвататься ко мне.

— Оля, выходи за меня замуж. Возьмешь русскую фамилию, останешься в деревне и все твое хозяйство останется при тебе. Родных заберут на шахты, ты сможешь им помочь: продукты будем посылать, навещать их. За девочками приглядывать будешь, без тебя ведь они погибнут.

Действительно, тогда посылали в Киселевск, на Кемеровские шахты, в Прокофьевск — все это за четыреста километров от того места, где жили мы. И вот, оказавшись в безвыходном положении (а разорены мы были начисто), я решилась на отчаянный шаг — выйти замуж за Николая, сохранить оставшееся имущество и этим спасти детей, а